

Эллинизм в эссеистике Джона Фаулза

А. А. ПАВЛОВА

(МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье рассматриваются истоки зарождения интереса Джона Фаулза к Греции и эллинистическому наследию на материале эссеистики писателя.

Ключевые слова: Греция, эллинизм Фаулза, эссе.

Hellenism in John Fowles's Essays

A. A. PAVLOVA

(MOSCOW PEDAGOGICAL STATE UNIVERSITY)

In this article the origins of John Fowles's interest in Greece and the Hellenistic heritage are being considered with the use of the writer's essays.

Keywords: Greece, Fowles's Hellenism, essay.

В истории мировой, и в частности английской, литературы XX век отмечен небывалой активизацией интереса писателей к эллинистическому наследию. В Англии на античную тематику пишут Д. Джойс, Р. Тревельян, Э. М. Форстер, Л. Даррелл, Р. Грейвз, У. Голдинг, Д. Линдсей, Д. Уинтерсон и др. В этом ряду нельзя не назвать имя Джона Фаулза. Страстный поклонник Греции, греческой литературы, философии, мифологии, Фаулз создает ряд произведений, в которых, так или иначе, просматривается «греческая тема»: философский трактат «Аристос» («Aristos», 1964), вызванный к жизни чтением Гераклита; роман «Волхв» («The Magus», 1965), пронизанный аллюзиями на греческую мифологию; эссе «Греция» («Greece», 1996) и «Что стоит за «Магом»» («Behind The Magus», 1994), наполненные впечатлениями о первой встрече писателя с Грецией; эссе «Острова» («Islands», 1978), посвященное «Одиссее» Гомера. В рамках данной статьи обратимся к эссеистике писателя, которая дает богатый материал для изучения эллинистической концепции Джона Фаулза и раскрывает истоки зарождения любви писателя к эллинистической культуре и природе Греции.

Первое знакомство Фаулза с Грецией произошло в январе 1952 г., когда он при-

ехал на греческий остров Спетсаи в качестве преподавателя английского языка. Фаулз признается, что с первого взгляда влюбился в природную Грецию (agria Ellada — так он ее называет), и этот «роман» длился до конца его жизни: «Я безнадежно, непреодолимо влюбился в природную Грецию в первый же день после моего приезда в Афины <...> Природная Греция была так прекрасна, что от этой красоты перехватывало дыхание и замирало сердце» (Фаулз, 2004b: 131). Фаулз воспринимает Грецию как поистине «рай на земле». Он восхищается греческим пейзажем, изобилующим всевозможными красками, любит редкими видами птиц и цветов, величественными холмами, покрытыми темно-зеленым сосновым лесом, безоблачным синим небом, ослепительным солнечным светом и морем, раскрашенным в самые разные цвета. Писателя охватывает состояние «средиземноморской эйфории»: ему кажется, будто он «повис в сверкающем воздухе, вне времени, неподвижно паря над высочайшим единением стихий» (Фаулз, 2004b: 119). По мнению писателя, такие ландшафты, такие красоты природы, те эмоции, которые испытываешь в соприкосновении с ними, «неизмеримо развивают человека». Пережитое Фаулзом на греческом острове оказа-

* Павлова Анна Алексеевна — аспирант кафедры всемирной литературы Московского педагогического государственного университета. Тел.: (495) 549-50-57. Эл. адрес: pavlovaanna1@rambler.ru

лось исключительно важным, оставило глубочайшее впечатление, как бы впечаталось в душу писателя. К нему приходит своеобразное озарение — осознание того, что он жаждет этого существования, испытывает радость бытия (этим эмоциями будет наполнен первый роман Фаулза «Волхв», задуманный на том греческом острове).

Созерцая восхитительный античный ландшафт, Джон Фаулз приходит к выводу, что развитие величайшей культуры греков было «всего лишь результатом воздействия пейзажа и света на людей восприимчивых» (Фаулз, 2004b: 119). В этом кроется объяснение мудрости, красоты и детскости Греции. «Мудрость лежит на высотах, а греческие ландшафты изобилуют такими высотами» (Фаулз, 2004b: 119). Красота природы ощущается во всем, что окружает человека. А детскость таится в том, что красота эта — как ребенок — неподдельная, естественная, чистая и в то же время очень простая.

Особое значение в неповторимом, гармоничном греческом пейзаже Фаулз придавал свету. По мысли Фаулза, греки — особый народ. «Греки с самого начала истории и до ее конца видят, чувствуют, воспринимают свет не так, как другие. Это переживание на бесконечность сильнее...» (Фаулз, 2004b: 124). Именно свет несет в себе всю красоту и истину, все загадки древнегреческой культуры. Греческий свет — это свет Аполлона, и в этом качестве он представляет бесценный дар Эллады западной и мировой культуре в целом. Божественный сын Зевса придает ему чистоту, гармонию, тайное или явное чувство меры, т. е. те составляющие, которые характеризуют дух эллинизма и придают ему особую индивидуальность.

Автор отмечает не только значение света для человека — жителя Греции, но и его влияние на формирование греческой культуры и искусства в целом: «Он присутствует в каждой мысли Гераклита, Сократа и Платона, он — в каждой расписанной вазе, в каждом пейзаже, в каждой анемоне и в каждой орхидее, в каждой строке Сефериса и Кавафи, почти в каждой таверне» (Фаулз, 2004b: 124).

Естественный свет греческой земли с ее непревзойденной прозрачностью и ясностью, которые, по одной из версий, подарили ей имя — Hellas (Эллада), безусловно, был определяющим условием достижения высоких духовных и художественных вершин. Именно он, по мысли Фаулза, движет борьбой противоположностей, преобразуя чудесным образом чувственное в сверхъестественное и метафизическое, именно он придает масштаб пространства и бесконечного в своем разнообразии пейзажа. Свое собственное переживание света Фаулз наиболее красочно изложил в своих дневниковых записях, описывающих путешествие на Парнас: «Облака разошлись, и все было — солнце; вид открывался величественный... это, несомненно, был прекраснейший миг в моей жизни. Внутри короны из фиалок, рядом с пирамидой из камней, сложенной на самом пике вершины, галькой было выложено слово — на греческом. Для всех греков, во все времена, и для всех нас, кто искренне любит их страну, это — единственное слово: phos» (Фаулз, 2004b: 125).

Джон Фаулз считал, что «свет и отсутствие света — это жизнь и смерть. Он все выявляет и ничего не щадит. Он может быть до боли прекрасным и утешающим, он может быть ужасающе безобразным. Ни один другой народ не чувствует этого с той же силой, как греки, так остро, так всепоглощающе» (Фаулз, 2004b: 124). Английский критик Вильям Стивенсон, опираясь на мысли Фаулза, утверждал, что свет — это призма, сквозь которую человек смотрит на мир, однако эта призма преломляет и самого человека, создает его заново, перерождает его взгляд на мир (Stephenson, 2003: 11).

Идея света у Фаулза находится в прямой зависимости с идеей национальной самоидентификации. По мнению Фаулза, не всем нациям повезло так, как грекам: есть нации, которые обделены светом. Так, например, phos (свет) определенно является чуждым, несвойственным для англичан. В одном из своих ранних эссе «Быть англичанином, а не британцем» Фаулз представляет англичан

как нацию, которая подобно своему национальному герою Робин Гуду, вставшему перед выбором — смириться с несправедливостью или уйти в леса, — всегда ищет убежища среди деревьев. Основная черта ментальности англичан — в «уходе в метафорические зеленые леса, в способности укрыться за маской, симулирующей согласие, когда мы не согласны, улыбаться, когда мы испытываем ненависть...» (Фаулз, 2004b: 151). Именно поэтому Фаулз считает, что призмой, преломляющей взгляды англичан, была тьма (укрытие среди деревьев) в противоположность свету. По выражению писателя в «Аристосе», «затравленный свободный человек, притаившийся в каждом из нас, прячется в лесные дебри индивидуального сознания» (Фаулз, 2003: 50).

Греки же, взращенные под ослепительными лучами солнца, наоборот, люди открытые, прямолинейные, доброжелательные — «самый непокорный и притягательный народ сельской Европы» (Фаулз, 2004a: 266). Как пишет Фаулз в «Волхве», «в Греции каждое лицо говорит о цельном, оригинальном характере... Ни один грек не похож на другого...» (Фаулз, 2004a: 614). А в самой «природе этого (греческого. — А. П.) языка заложены чувственность и прямота» (Фаулз, 2004a: 117).

На фоне общего очарования Грецией Фаулза начинает увлекать все, что связано с этой страной: ее культура, философия, мифология, литература. Неподдельный интерес представляла для Фаулза греческая поэзия. «Я много раз пытался передать природную душу Греции в стихах, и столько же раз мне это не удавалось, особенно в сравнении с многими греческими поэтами, такими как Кавафис, Сеферис, Рицос, Элитис и другими... к которым я вскоре почувствовал огромное уважение. Мне только жаль, что я не знаю демотика настолько, чтобы ощутить истинный вкус их стихов» (Фаулз, 2004b: 132). Фаулзу близко творчество этих поэтов, затрагиваемые ими темы. Писатель восхищен стихами Константиноса Кавафиса, которые наполнены атмосферой Алек-

сандрии, где поэт прожил большую часть своей жизни. Кавафис вспоминает о юности, терзаемой скрытыми страстями, пишет об упадке мира, великие ценности которого может спасти человеческая красота и красота искусства, символы которых он видит в эллинистической и византийской культурах. Подобно Кавафису, Фаулз ностальгирует по ушедшей культуре древних эллинов, олицетворяющей собой «золотой век» человечества. Многие стихотворения нобелевского лауреата Одиссея Элитиса посвящены «чуду ощущений и чувств», воспевают особые краски и свет Греции, так восхищавшие Джона Фаулза и явившиеся предметом его многочисленных размышлений в эссе «Греция». Большим вниманием Фаулза пользуется трилогия Стратиса Циркаса «Неуправляемые общества», которая, по мнению писателя, должна считаться одной из важнейших работ XX в. о современной Греции.

Величайшим произведением в мировой литературе Джон Фаулз по праву называет греческое творение, а именно «Одиссею» Гомера. Подобно тому как древнегреческая философия стала колыбелью всей последующей философской мысли, так и поэма Гомера, по мнению Джона Фаулза, стоит у истоков зарождения литературы. «Одиссея» оказала первостепенное влияние на дальнейшее развитие всех повествовательных жанров, как тематически, так и технически, и именно здесь, по мысли писателя, впервые была продемонстрирована ценность «структуры архипелага»: чередование скучных и замедленных эпизодов с ключевыми событиями, последовательная «смена кадров», внутреннее видение, представление о событиях как об островах в море реальной истории или художественного вымысла. Тема Одиссеи особенно близка Фаулзу, поскольку она неразрывно переплетена с излюбленным писателем «островной образностью». Странствия и отношения Одиссея стали предметом авторских размышлений не только в эссе «Острова», но также в романе «Мантисса» и «Женщина французского лейтенанта». Под огромным влиянием «Одис-

сеи» написан роман Фаулза «Волхв». Это просматривается и на уровне композиции романа, прототипов персонажей, дилемме Калипсо — Пенелопа, которая присутствует в каждом романе Фаулза. Сам писатель, оказавшись на греческом острове, чувствует себя Одиссеем, попавшим к Эгейскому морю в один из самых тяжелых моментов плавания, беспомощный, без спутников, а Греция предстает перед ним в образе волшебницы Цирцеи. В эссе «Что стоит за «Магом» Фаулз писал, что сам «целиком и полностью попал под чары Цирцеи и в отличие от Одиссея с его дезинфицирующим моли так никогда от них и не избавился» (Фаулз, 2004b: 125).

В эллинистической концепции Джона Фаулза важное место отводится древнегреческой мысли. По признанию писателя, мудрость Гераклита и Сократа его «привлекали всегда гораздо сильнее, чем Иисус Христос» (Фаулз, 2004b: 133). Особое влияние оказал на Фаулза Гераклит, что неоднократно подтверждается высказываниями самого писателя. Так, в эссе «Греция» Фаулз пишет: «Мне однажды попался грек, очень пришедший мне по душе, но такой давнишний, что казалось, он явился чуть ли не из иной вселенной, хотя его идеи до сих пор меня волнуют; они легли в основу моей ранней книги «Аристос» (1964). Это был Гераклит» (Фаулз, 2004b: 128). Анализируя и преломляя «под своим углом» идеи Гераклита о всеобщности движения и изменения, о борьбе и тождестве противоположностей, о разуме и случайности, действующей во Вселенной, об изначальном разделении человечества на «большинство» и «меньшинство», Фаулз приходит к собственным убеждениям, которые легли в основу его философской концепции и нашли отражение в произведениях. Ядром этой концепции стало представление об «аристосе» — идеальном человеке, каким его видит Фаулз. Для Фаулза «аристос» — это «достойный» человек, который осознает, что различие между ним и Многими зиждется не на богатстве и власти, а на «разумной и деятельной доброте»; он никогда не

будет выступать за создание слоя избранных, Немногих, потому как это порождает неравенство; он знает, что борьба с несправедливостью в мире — это дело каждого из нас, и что обрести истинную свободу можно лишь в условиях нашей «тюремной камеры», научившись жить с непримиримостью противоборствующих факторов; он знает, что истинное назначение человека — стать наилучшим; «и знает он все это потому, что он сам — один из Многих» (Фаулз, 2003: 278).

Страна Гомера, колыбель европейской цивилизации с ее неповторимой природой и божественным светом оставила неизгладимый отпечаток в душе Джона Фаулза и поистине стала для него второй родиной. Именно здесь после прогулки на Парнас он впервые осознал себя писателем: «...Парнас дал мне тогда, как, вероятно, всякая попытка на него взобраться, неоценимый урок. Это и была реальная Греция, и единственно реальный свет. И до тех пор, пока я не решился познать — или хотя бы изредка иметь возможность воспроизводить в памяти — эти божественные высоты, я по-честному не должен был называть себя ни поэтом, ни писателем» (Фаулз, 2004b: 132). И много лет спустя со дня своего первого знакомства с Грецией Фаулз не перестает удивляться ее красоте. Он утверждает, что все пережитое им — не напрасно, и готов вновь и вновь возвращаться в этот удивительный загадочный мир: «Большинство возвращений приносят нам разочарование, но возвращение сюда — никогда» (Фаулз, 2004b: 134).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Фаулз, Дж. (2003) Аристос: Философская эссеистика / пер. с англ. Н. Роговской. СПб. : Симпозиум.

Фаулз, Дж. (2004a) Волхв / пер. с англ. Б. Н. Кузьминского. М. : ООО «Издательство АСТ».

Фаулз, Дж. (2004b) Кротовые норы / пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тогоевой. М. : ООО «Издательство АСТ».

Stephenson, W. (2003) John Fowles. UK : Northcote House Publishers Ltd. P. 7–28.